

Алекс РАПОПОРТ

Дина Калиновская — вынужденное молчание

Жизнь прозаика Дины Калиновской похожа на роман с петляющим непредсказуемым сюжетом. Многолетняя дружба связала ее с актрисой Людмилой Абрамовой, вдовой В. Высоцкого. Это интервью взято в музее "Дом Высоцкого на Таганке", где прошла недавно выставка, рассказывающая о судьбе писательницы.

— Людмила Владимировна, с какого момента вы знаете Дину Калиновскую?

— С начала 1967 года. Дина появилась в Москве в конце 1966-го, и поскольку жилья у нее тогда не было, жила у своей знакомой Карины Филипповой. Карина была и нашей с Владимиром Семеновичем знакомой, вместе они учились в Школе-студии МХАТ. Она Дине бесплатно предоставила комнатку без окна рядом с кухней, и Дина была очень довольна таким пристанищем.

— Какой это адрес?

— Это был угловой дом на пересечении Садового кольца и Хомутовского тупика, по легенде, в нем когда-то жил Булгаков. Квартира помещалась в полуподвале, но обе, хозяйка и ее квартирантка, гордились тем, что живут в доме, где Булгаков писал "Театральный роман". Уж не знаю, тот ли это дом, но Хомутовский тупик упоминается в романе.

— Что известно о семье, где она родилась?

— В ее свидетельстве о рождении записано: Дора Мешалимовна Берон, родилась 7 апреля 1934 года в Одессе. В семье ее всегда называли Дина, так все звали в школе, а потом и во взрослой жизни. Когда уже в Москве в связи с замужеством она меняла паспорт, записала: Дина Михайловна Калиновская. Этим именем подписаны все ее публикации в Москве.

Бероны до войны — большой разветвленный еврейский род, множество тетушек, дядюшек, двоюродных и троюродных братьев. Отец Дины Мешалим Берон работал провизором в аптеке. Мама Мария Исааковна окончила до революции гимназию, то есть получила хорошее образование. У нее была прекрасная память, она знала языки, ей можно было задать любой вопрос по истории русской классической лите-

ратуры — она тут же отвечала. Когда началась война, Мешалим настоял, чтобы Мария с семилетней Диной и трехлетним Жорой эвакуировались. Мария не хотела, но Мешалим ее буквально заставил уехать. Всех своих близких он уговаривал уехать. А сам остался в городе.

— Они не понимали, чем грозит оккупация?

— Да, многие не понимали, просто не знали... Во-первых, после пакта с Германией наша пропаганда ничего не сообщала о репрессиях, грозящих евреям. Во-вторых, нападение было неожиданным, начались бомбежки, и не все желавшие могли уехать, приоритет был у крупных предприятий, осуществлявших организованную эвакуацию сотрудников. В-третьих, на Одессу наступала румынская армия, и от румын одесситы жестокостей не ожидали. Но вслед за румынами пришли немцы.

Мария Исааковна с детьми оказалась под Ташкентом. Дина потом, когда стала писателем, в этих местах бывала. О Мешалиме долго ничего не было известно. Он числился без вести пропавшим, поэтому, вернувшись в Одессу, Марии не удалось получить пенсию по потере кормильца. Много позже, уже в 70-е годы, стало известно, что Мешалим Берон отдал из аптеки все лекарства и перевязочные средства одесским подпольщикам, и в первые же дни оккупации был повешен немцами. В 45-м году квартира на Канатной, где семья жила до войны, была уже занята другими жильцами. Но Марии хотелось остаться в доме, где прошла молодость, и она сумела получить там комнатку. Она устроилась экономистом в пароходство, благодаря своим исключительным способностям справлялась с этой работой, и на одну зарплату содержала себя и детей. Когда ее оставшиеся в живых

братья и сестры вернулись в Одессу, они чем могли старались помочь. У некоторых были дети постарше, и Дина с братом часто донашивали за ними одежду. Ходили в обносках и были вечно голодными. Одно из своих детских платьиц Дина сохранила как память о том времени.

— У нее безрадостные воспоминания о детстве?

— Нельзя сказать, что безрадостные. Это из наших дней те времена с их скудным бытом могут показаться безрадостными. Как и многих предвоенных и послевоенных детей, испытания ее закаляли и отчасти сформировали. Она была непослушным ребенком, озорницей. А в школе — активной пионеркой, неплохо училась, и кроме того, занималась спортом. Лет в 12-13 она увлеклась художественной гимнастикой, с мячом, с лентами, это тогда только-только появилось. Еще не существовало Всесоюзной федерации художественной гимнастики, Дина была из гимнасток самого первого призыва. Спортивная секция вывозила девочек-гимнасток на сборы, их посылней, чем дома, кормили, что помогало матери сводить концы с концами. Дина занималась у балетного станка, чувствовала музыку, прекрасно танцевала, все это ей скрашивало жизнь. Кроме того, в школе у нее обнаружили способности к черчению и конструированию.

— Возникает образ очень гармоничного человека. И музыка, и спорт, и техническое черчение... У многих что-то одно развито в ущерб остальному.

— Да, ей все было внятно. Она очень музыкальна, поэтому хорошо танцевала, и гимнастика ей давалась легко. У нее была изумительная фигура с тончайшей талией, красивые руки... Она выезжала на подростковые соревнования и с успехом выступала. В средней школе она училась недолго. После седьмого класса поступила на полугодовые курсы конструкторов-чертежников. Окончив, пошла работать в судостроительное конструкторское бюро. И вскоре начала предлагать различные технические усовершенствования, ей предложили в этом КБ большое инженерное будущее.

— То есть в 14 лет она окончила 7-й класс, около двух лет училась на курсах, и работать начала в 1950-м году, шестнадцатилетней. В одесский университет или в политехнический институт она не поступала?

— Нет, не пошла. Хотя все в роду считали, что она, получив трудовой стаж, должна продолжить учебу, и что инженерное дело — ее стезя. Работа дала Дине независимость — у нее появились заработок и свободное время. В конструкторском бюро она начала писать. Вначале писала небольшие рассказы для многотиражки КБ и для одесской молодежной газеты. Первыми были рассказы о детях во время войны, о том, что им заменяло игрушки, как и во что они играли. Дина быстро переключилась с творческой молодежи города, литературной и театральной. Ее тянуло к театру, она дружила с молодыми — и актерами, и актрисами, ходила на все новые спектакли и вынашивала идею написать пьесу. Среди этой молодежи была актриса Татьяна Солошек, выпускница Московского театрального училища. По Москве, а затем и по службе в театре на "целине" Татьяна была знакома с Кариной Филипповой, соученицей Владимира Высоцкого в Школе-студии МХАТ. Отслужив два года на "целине", Карина вернулась в столицу, а Татьяна обосновалась в Одессе. Благодаря этим актрисам наметилась связь Дины с Москвой. Все, что Дина предлагала одесскому театру, было необычным, не вписывалось в советский театральный канон и отвергалось с порога.

Карина рассказала Олегу Ефремову, руководившему "Современником", что в Одессе есть замечательный начинающий драматург Диночка Берон. У Дины была к тому времени готовая двухактная пьеса по мотивам рассказа А. Толстого "Гадюка", а также собственные драматургические сюжеты, над которыми она работала. Ефремов написал Дине, выразил желание посмотреть ее пьесы. В связи с этим письмом Дина предупредила на работе, что увольняется, и сказала маме, что едет в Москву. Мария Исааковна пришла в ужас и ответила, что Дина никому там не нужна, что все это — "пустые тщеславные мечты", и что она не даст ни копейки на дорогу. Но к тому времени в Одессе уже бывал дядя Гриша, их американский родственник, весьма обеспеченный человек, позднее описанный в повести "О суббота!". Он их всех задал. У Дины были меховая шуба, роскошные кофты и многое другое в те годы, когда американская одежда в Советском Союзе приравнивалась к чему-то невероятному, невиданному и неслыханному. Динка все это на толкучке продала и на вырученные деньги рванула в Москву. Какое-то время пожила у родственников Та-ни Солошек, а потом Карина ее взяла к себе.

Поначалу ее очень хорошо приняли в "Современнике". Дина очаровывала людей.

— Расскажите, как она выглядела.

— Она небольшого роста, легкая, тонконогая, волосы красоты неопишущей — выющиеся, смольные с блеском, и если она их не завязывала, они создавали вокруг головы чернокудрявый ореол; громадные темно-янтарные глаза и длинные ресницы. У нас была затея: укладывать поперек ресниц спички, у кого больше, так вот, Дине можно было положить шесть спичек. Брови у нее стремились вверх, к вискам, их окончания прятались за прядями волос. Треугольное личико, небольшие скулы, чертами лица она напоминала Софи Лорен. Мягкий бархатный голос, сияющая улыбка. Когда мы познакомились, она была приветлива, открыта, ко всем расположена, очень смешлива. Хохотала она заразительно.

У нее — очевидно, это с детства шло, — ни к кому не было зависти. Хотя была своего рода нищенская гордость. В тот период Дина была нищая до ужаса, она же все продала, что

